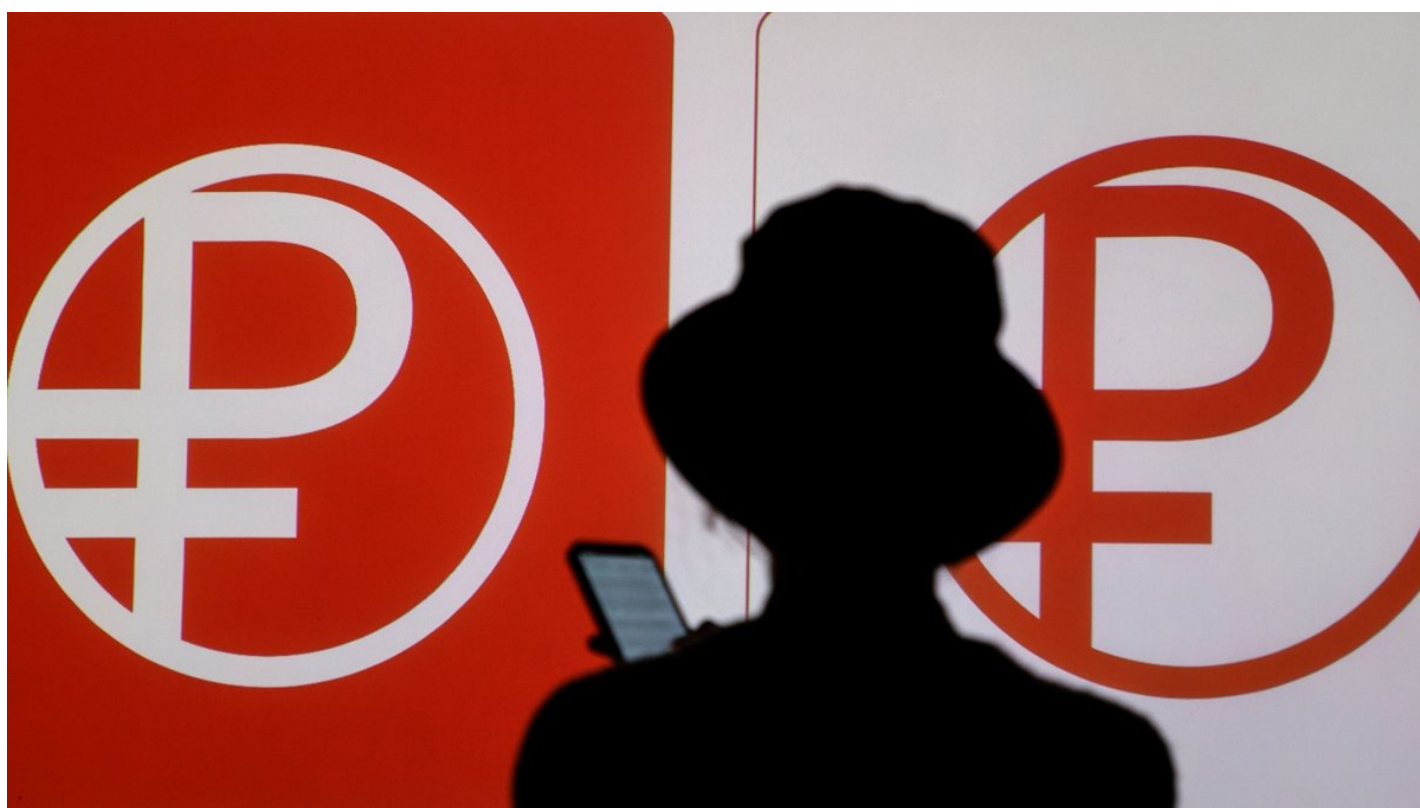

Скрепсы стейблкоина

Почему российская экономика зависит от криптовалют как никогда, а запрета их обращения не будет

Логотипы российских цифровых рублей в Москве, 15 августа 2023 года. Фото: Сергей Ильницкий / EPA-EFE

15:51, 29 апреля 2024,

Сергей Голубицкий

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Российская Дума скоагулировала в своих чреслах поправку №613616-8 к законопроекту о майнинге криптовалют, который изначально регулируется законом №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

Поправка № 613616-8 от 26.04.2024 переводит на русский язык поправку №237585-8 от 17.11.2022, потому что прежняя версия выглядела вот так:

«8. В Российской Федерации запрещается реклама и (или) предложение в иной форме неограниченному кругу лиц цифровых валют, а также товаров (работ, услуг), в целях организации выпуска, выпуска, организации обращения, обращения цифровой валюты (за исключением майнинга цифровой валюты).»;

Источник

В обновленном варианте, послужившем поводом для медийной волны, какофонию слегка зачесали, разбив текст по двум пунктам:

8. В Российской Федерации запрещается реклама и (или) предложение в иной форме неограниченному кругу лиц цифровых валют, а также товаров (работ, услуг) в целях организации выпуска, выпуска, организации обращения, обращения цифровой валюты.

9. В Российской Федерации запрещается организация обращения цифровой валюты, за исключением

осуществления деятельности, указанной в частях 13 и 14 статьи 1 настоящего федерального закона.

Наш брат-журналист попытался разобраться в публикации и забил в набат: «Депутаты собираются запретить обращение криптовалют! Шеф, всё пропало!»

Рискну предположить, что возбуждение СМИ случилось из-за формулировки 2022-го, потому как в обновленной версии апреля 2024-го сложно не заметить смысловой разницы между «организацией обращения цифровой валюты» и «обращением цифровой валюты».

Отдадим должное хохмачам-законотворцам: троллинг зашел на славу. Благо, государственная важность темы (да-да, именно что государственная!) удержала народных избранников от затяжного терзания всполошившейся общественности.

Уже через пару часов после обнародования апрельских тезисов на сцену выдвинулся депутат Антон Вадимович Горелкин и, едва сдерживая смех, **ткнул** перепуганный мейнстрим носом в букву: «Конечно, оборот криптовалют запрещаться не будет. Под запрет попадает организация оборота: создание бирж и обменников вне зоны действия экспериментального правового режима». Отсмаковав проплывший над страной вздох облегчения, депутат потрафил еще глубже:

«Не исключаю, что в будущем это ограничение может быть снято. При этом никто не запрещает, как и прежде, использовать

иностранные криптовалютные биржи и обменники».

Выбранный для комментария инфоповод может показаться читателю мемом Александра Твардовского («Это вроде как машина скорой помощи идет: сама режет, сама давит, сама помощь подает»): журналисты, мол, высосали каламбур из пальца и сами же его развенчали. Однако непосредственно факт переполоха, вызванного пусть даже и ошибочным прочтением законодательной поправки, заслуживает, как мне видится, серьезного внимания, ибо свидетельствует о беспрецедентной в историческом отношении важности криптовалютной темы.

Криптовалютная биржа в Москве. Фото: Максим Шипенков / EPA-EFE

Важность темы для обывателя лежит на поверхности: в ситуации, когда прямого доступа к полноценным фиатным деньгам (долларам, евро, швейцарским франкам и японским

йенам) у рядовых граждан практически не осталось, главным инструментом защиты от рублевой инфляции служат «стабильные криптовалюты» (т. н. стейблкоины). Вторая бесценная функция криптовалют в российском обществе сегодня — это самый эффективный, быстрый и ненакладный канал для трансграничных денежных переводов.

Есть, однако, и вторая сторона медали. Как я упомянул выше, важность криптовалютной темы обрела уникальный государственный аспект. В том смысле, что никогда еще в истории РФ не было ситуации, чтобы экономическое выживание страны не просто зависело от криптовалютного обмена, но зависело бы критически.

Государственная ценность криптовалюты для РФ — это возможность наладить платежи в условиях предельно ограниченного доступа к стандартным платежным инструментам (всё тем же долларам и евро) и перекрытых платежных каналов (сети корреспондентских банков в ЕС и США, а также отключенного SWIFT).

Забавно, что до последнего времени российская власть не заглушала запретительные рапсодии ЦБ РФ, который с первого дня последовательно высказывался за абсолютный запрет криптоэкономики в любых ее проявлениях. Линия поведения ЦБ РФ принципиальна и последовательна, и потому никак не отличается от линии поведения старших его собратьев — ЦБ Евросоюза и Федеральной резервной системы США.

Мотив криптоненависти центробанков логичен: столпы традиционной фиатной банковской мировой системы рассматривают (справедливо!) криптоэкономику не иначе как своего могильщика.

Власти РФ годами (точнее, с 2014 по 2023 годы) не мешали родному Центробанку стращать и запугивать население (та самая песня про крипту как убежище для педофилов, наркоторговцев и маргинальных ненавистников этатизма). Не мешали, потому что искренне верили в реализацию хотя бы одной из двух своих ставок: возможность проапгрейдить традиционные денежные отношения до уровня CBDC (цифровой валюты Центробанка) и возможность наладить трансграничный торговый оборот на основе фиатной валюты, альтернативной доллару (например, ренминби, рупии или реала).

Обе ставки оказались позорно биты. CBDC запустили в оборот с неслыханной скоростью, но почти сразу стало очевидно, что бессмысленную чудо-юду будут игнорировать не только обыватели, но и коммерческие банки, которые справедливо оценили цифровую валюту ЦБ как эффективный способ отодвинуть всех посредников от кормушки: CBDC позволяет Центробанку заниматься ростовщичеством и ссужать населению кредиты напрямую.

Вывеска «Свурто» у крупнейшего в России центра по добыче криптовалют в Киришах, Ленинградская область, Россия, 20 августа 2018 года.
Фото: Анатолий Мальцев / EPA-EFE

Если даже в Китае, где CBDC ввели задолго до РФ, население, приученное веками подчиняться любому государственному произволу, подвергает «цифровой юань» невиданному ostracismу, то что говорить о России с ее вечной фигой для властей предрержащих в карманах обывателей?

Вторая ставка российского государства — на налаживание альтернативных платежных каналов со своими оставшимися торговыми партнерами на базе их национальных валют — в отличие от CBDC, обернулась не пшиком, а серьезными неприятностями. Идея РФ: мы им продаем сырье, а на вырученные рупии/юани покупаем то, чего у нас нет, — уперлась в объективную реальность и конфликт национальных интересов.

Объективная реальность такова, что напрямую

купить «нужное» не получается. В случае Китая — из-за опасения санкций второго уровня, в случае Индии — из-за банального отсутствия на внутреннем рынке того «нужного».

Вариант с конвертацией выручки от продажи тоже не срастается: национальные валюты партнеров РФ в нормальные деньги не конвертируются. Как следствие, выручка от продажи сырья зависит в рупиях / юанях на внутренних рынках Индии и Китая, где эти «деньги» можно использовать лишь для вложения в развитие национальных экономик этих стран. Рискну предположить, что это последнее, о чём мечтает сегодняшняя Россия.

В идеале для РФ было бы наладить торговый обмен с партнерами на базе какой-то новой фиатной валюты — отличной и от доллара / евро, и от юаня / рупии. Но, по понятным причинам, такой вариант ни Китай, ни Индию не прельщает: к чему им плодить лишние сущности?

Тут-то и пришло понимание, что единственный вариант наладить товарно-денежные отношения с миром — это использовать криптовалюты, точнее, стейблкоины, а еще точнее, один из двух самых распространенных фидуциарных активов: USDT и USDC.

Рыночная капитализация USDT сегодня составляет \$110 млрд, USDC — \$33 млрд. В природе существуют еще буквально тысячи стейблкоинов, но они лишь карлики на фоне двух названных монстров.

В использовании USDT / USDC для торговых и обменных операций у РФ возникает две сложности, которые, впрочем,

легко преодолимы.

Сложность №1: USDT — это корпоративный продукт компании Tether, USDC — компании Circle. Несмотря на то, что Tether (под контролем iFinex) зарегистрирована на Британских Виргинских островах, она находится де-факто под полным контролем американского государства (в силу бесчисленных экономических и банковских связей). Эмитент USDC, компания Circle Internet Financial Limited, вообще прописана в Бостоне, штат Массачусетс.

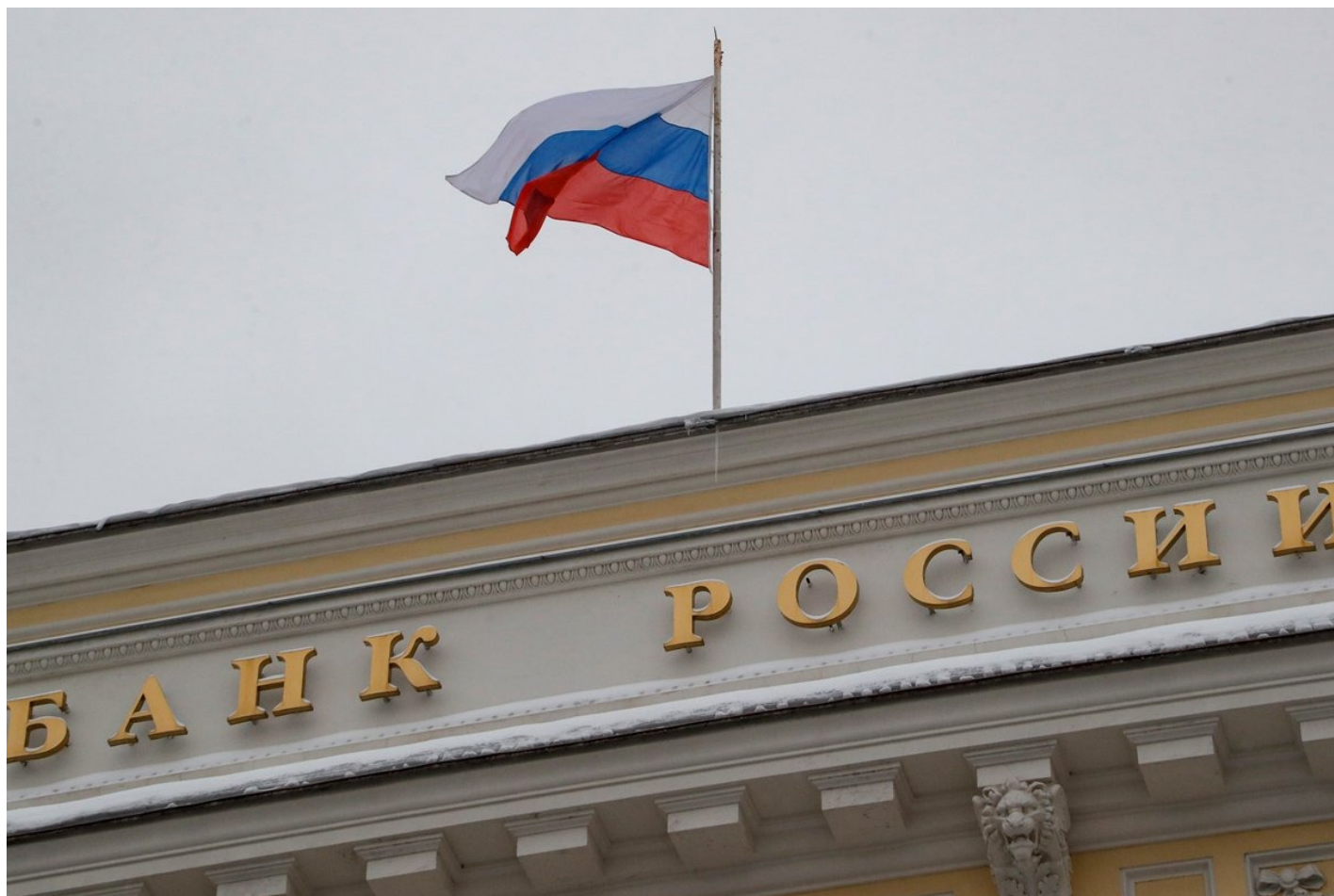
Описанная неприятность, впрочем, легко снимается за счет псевдонимной природы криптовалют: USDT / USDT (равно как биткоины, эфиры и десятки тысяч остальных неанонимных криптоактивов) хранятся и контролируются не российским государством, пиратом Петей или Дональдом Трампом, а сетевыми адресами, которые выглядят примерно таким образом: 0xa0b86991c6218b36c1d19d4a2e9eb0ce3606eb48.

Бытует обывательское мнение (которые всячески укрепляется домыслами мейнстримных СМИ), что связать криптовалютный адрес с его подлинным владельцем в риаллайфе — плевое дело и пара пустяков для профессиональных аналитических компаний. Развенчанию такого мифа мы как-нибудь посвятим отдельную историю, но пока можете поверить на слово: это полная ерунда. Установить связь между адресным псевдонимом и реальным владельцем — чрезвычайно сложная, а при особом желании владельцев, и неразрешимая задача. Если же использовать полностью анонимные криптовалюты, вроде Monero, ZCash, Beam, Grin и сотни других, то шансов добраться до бенефициара практически никаких.

Поэтому худо-бедно, но проблему «американской природы» USDT/USDC российская экономика решить в состоянии.

Сложность №2 очень любят поминать «эксперты», далекие от

денежной науки, — это ограниченность эмиссии топовых стейблкоинов. Тут как бы неприлично даже оппонировать, поскольку развенчание заблуждений упирается в школьный закон денежного обращения: «Количество денег, необходимых для обращения в государстве, прямо пропорционально сумме цен товаров и услуг и обратно пропорционально скорости оборота денег».

Флаг РФ развевается над вывеской «Банк России» на здании Центрального банка РФ в Москве, 15 декабря 2023 года. Фото: Максим Шипенков / EPA-EFE

Достаточно прокрутить «маленькую» эмиссию USDT (\$110 млрд) 10 раз, как получится уже \$1 трлн 100 млрд, а это вообще-то половина годового ВВП России (\$2,2 млрд; бессмысленную цифру паритета покупательной способности — 5,7 трлн я, по понятным причинам, рассматривать не буду). С учетом скорости добавления блоков в сети TRON, на которую приходится львиная доля оборота USDT (5–7 секунд), весь ВВП России можно прокрутить в блокчейне за 1 минуту.

Цифры эти, разумеется, условны, однако дают понимание того, что дневного оборота USDT (сегодня это \$33 млрд) за глаза хватает для покрытия расчетных нужд государства масштаба РФ.

С учетом битой ставки на национальные валюты торговых партнеров, а также потенциальной разрешимости проблемы ограниченной эмиссии ликвидных стейблкоинов, становится ясно, почему обличительно-запретительная рапсодия ЦБ РФ в последние полгода задвинута на задворки государственного хора: негоже нагнетать страхи вокруг могильщика мировой финансовой системы в ситуации, когда горят трубы у локальной экономики.

В контексте заявленного инфоповода нам остается закрыть, как это модно теперь говорить, два гештальта. Во-первых, необходимо понимание, что искусственное разделение дискурса: «крипта» для государства — спасение, а «крипта» для населения — это думать-не-моги, напоминает шизофрению и чревато нервными срывами, ненужными сегодня российскому государству. Поэтому граждане могут спать спокойно:

стейблкоин и дальше позволит не только защититься от инфляции национальной деньги, но и переместить сбережения в любую точку планеты, невзирая на банковские запреты и ограничения.

Второй гештальт связан с пониманием, что реальные неприятности для триумфального шествия децентрализованной денежной системы (DeFi) исходят сегодня не от ЦБ РФ, а от центробанков государств, в которых отношениям с подданными выстраиваются на здоровом

общественном договоре: вы нам делегируете контроль за своими деньгами, мы вам взамен предоставляем набор благ, о которых не может мечтать большая часть человечества.

Имею в виду, конечно, Евросоюз и США. На этих территориях объявление определенных действий, связанных с оборотом криптоактивов, вне закона чревато исключением несогласных из того самого общественного договора (что совсем нежелательно для подавляющего большинства населения). По этой причине в США и Евросоюзе сегодня достигли апогея масштабные юридические баталии и лоббистские схватки между обществом и государственной бюрократией.

В конгрессе США обсуждается полный запрет децентрализованных финансов, а Евросоюз готовится к вступлению в силу 1 июня III и IV Разделов закона MiCA (Markets in Crypto-Assets), который из-за нелепости и двойственности формулировок чреват запретом оборота всех стейблкоинов.

Эта тема заслуживает отдельного разговора, мы же пока ограничимся закрытием сегодняшнего вопроса: «En toda Rusia el cielo está despejado»* — по части криптовалют, разумеется.

* «Над всей Россией безоблачное небо» — отсылка к предполагаемой кодовой фразе, переданной по радио и обозначившей начало военного мятежа в Испании в 1936 году.
— Прим. ред.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Шлем для всадников Апокалипсиса](#)

Apple выпустила на рынок Vision Pro — первое концептуально новое устройство за десятилетие